

мецкие соответствия. Эти соответствия позволяют сделать некоторые выводы фонетического, культурно-исторического характера, полнее определить лексический состав кашубского языка.

Х. Бильфельдт («Русские слова в нижненемецком») рассматривает пути проникновения русских слов в нижненемецкий язык.

Некоторые работы затрагивают вопросы словообразования.

Интересна статья А. Зарембы об образованиях с суффиксом *-ula* в некоторой части польско-чешско-словацкой языковой области. А. Заремба очерчивает ареал распространения этого суффикса и определяет его как формант женского рода. Он считает наиболее вероятным предположение о древнем характере этого суффикса.

Я. Сафаревич исследует польские глаголы на *-kać*. Формант *-k-* служит в основном для образования экспрессивных и ономастопозитических глаголов. Образования этого типа представлены в латинском, греческом, балтийских языках. Всем ходом исследования Я. Сафаревич показывает, что формирование этих глаголов относится к эпохе самостоятельного развития отдельных языков.

Нельзя пройти мимо интересной гипотезы Е. Куриловича, согласно которой славянские основы глаголов IV класса на *-ěti* по своему происхождению связаны с медиопассивными формами индоевропейского перфекта. Следы медиопассива усматривает Т. Лер-Сплавинский в системе славянских окончаний настоящего времени.

Как видим, сборник содержит довольно обширный материал по самым различным вопросам славянской диалектологии, этимологии, словообразованию и представляет несомненный интерес для славистов.

*Л. В. Куркина*

### G. Devoto. *Origini indeuropee.* Firenze, 1962, 521 стр.

Современная индоевропеистика включает в себя столь разнообразные по направлению и различные по методике исследования в области сравнительной грамматики и лингвистической палеонтологии, что уже давно ощущается необходимость в сводке надежных лингвистических данных в сопоставлении с результатами внелингвистических дисциплин, исследующих индоевропейскую проблему (прежде всего археологии). Дать подобную сводную работу — такую задачу поставил перед собой известный исследователь древних индоевропейских языков Италии Джакомо Девото в своем большом новом труде «*Origini indeuropee*».

В первой главе книги автор кратко рассматривает собственно лингвистический аспект проблемы — материальные и методологические основания индоевропейской реконструкции. Наиболее надежной автор считает «ближнюю», т. е. традиционную, индоевропейскую реконструкцию и опирается на нее в дальнейшем изложении<sup>1</sup>. Он относится довольно скептически к большинству попыток восстановления более древнего индоевропейского состояния на основании стратификации индоевропейского материала (Хирт, Курилович, Бенвенист и др.), признавая, впрочем, что такие попытки «свидетельствуют о высокой степени комбинаторных возможностей человеческого ума в приложении к языковым данным». Остановившись на методологических аспектах реконструкции, Девото справедливо указывает, что необходимость принять понятие «единого праязыка» (несмотря на многочисленные возражения, ко-

<sup>1</sup> Так, в частности, он воздерживается от реконструкции ларингальных, что едва ли достаточно оправдано. Более существенным недостатком реконструкции автора является, на наш взгляд, неразличение рядов палатализованных и веларных задненёбных.

торые может выдвинуть против такой формулировки лингвист-диалектолог) диктуется необходимостью провести определенную границу между языковыми семьями — в данном случае между индоевропейским и соседними языковыми группами: уральской, семитохамитской и др. Заметим, что автор книги не всегда строго придерживается этого методологического принципа. В частности, в целом отрицательно относясь к попыткам связать индоевропейский с другими языковыми семьями в генетическом плане, Девото склонен принять гипотезы Н. Трубецкого и К. Уленбека об индоевропейском как результате конвергентного развития двух неродственных компонентов — «финноугорского» и «кавказского» (или «средиземноморского»). В данном случае, по-видимому, игнорируется именно вполне определенная граница между языковыми семьями.

Вторая глава подводит краткие итоги достижениям лингвистической палеонтологии в области определения протоиндоевропейского ареала. Автор приходит к выводу, что показания номенклатуры животного и растительного мира в совокупности с данными терминологии географического ландшафта указывают на районы центральной и юго-восточной Европы (вплоть до бассейна Дуная) как на наиболее вероятную область локализации индоевропейского. Показания сравнительной антропологии, по мнению Девото, могут быть использованы при решении вопроса о локализации индоевропейцев лишь в весьма ограниченных масштабах, поскольку они в основном указывают на период значительно более ранний, нежели время формирования индоевропейской общности.

Большой раздел посвящен рассмотрению археологических данных (гл. 3). Как индоевропейские по преимуществу автор рассматривает характеризующие ленточной керамикой центрально- и восточноевропейские культуры позднего неолита. По-видимому, приходится признать оправданным перенос центра тяжести индоевропейского мира из традиционного «Северного Причерноморья» в более западные области. Обширность территории рассматриваемых автором культур (от Рейна до Днепра) указывает, вероятно, на то, что соответствующие культуры отражают уже индоевропейский в период далеко зашедшей дифференциации (что и следует предполагать для IV—III тыс. до н. э.). Следует отметить, что принимаемая автором относительно небольшая временная глубина локализации индоевропейского тесно связана с предполагаемой им территориальной локализацией. Локализация индоевропейской территории несколько юго-восточнее (карпатско-балканские районы) обуславливает значительно более глубокую датировку, что связано с более ранним появлением поздненеолитических культур в соответствующем районе.

В следующей главе формирование индоевропейской общности трактуется как историческая проблема. Автор рассматривает здесь данные, свидетельствующие о контактах индоевропейского с другими языковыми семьями (древние заимствования). Приводимый им материал, касающийся связей индоевропейского с неиндоевропейскими языками юго-западной Азии, может быть в настоящее время существенно расширен с учетом прежде всего материалов семитских и картвельских языков. Более тщательное рассмотрение этого вопроса было бы особенно интересным в свете археологических данных, свидетельствующих о мощном влиянии переднеазиатских культур на (по всей вероятности, индоевропейские) культуры юго-восточной и центральной Европы. Девото развивает в этом разделе ранее выдвинутую им концепцию «перииндоевропейского»: имеется в виду, что собственно индоевропейская область граничила с районами, занятыми языками, во многом приближавшимися к индоевропейскому типу (что явилось результатом родства или взаимовлияния) и постепенно поглощенными индоевропейским; этот процесс, по мнению автора, следует принять прежде всего для ряда средиземноморских областей (этрусский, возможно лидийский). По-видимому, даже при имеющейся фрагментарности материала по соответствующим языкам эта гипотеза Дж. Девото не может считаться наиболее убедительной из возможных построений.

Три большие главы, составляющие центральную часть книги, посвящены подробному анализу индоевропейской лексики в свете внелингвистических данных и с постоянным учетом достижений ареальной лингвистики (анализ проводится на основании сравнительного словаря, приложенного к книге, — стр. 429—521). Автор анализирует общиндоевропейскую лексику и особенно тщательно рассматривает локальные изоглоссы. Здесь он выделяет группу изоглосс, противопоставляющих запад и восток индоевропейского мира (обнаруживается также компактный северо-восточный индоевропейский ареал); с другой стороны, исследуются изоглоссы, отделяющие периферийные индоевропейские районы от центра, характеризуемого рядом инноваций. При всей спорности и фактической недоказуемости отдельных построений автора, важно, что в данной работе мы впервые получаем опыт «сравнительной индоевропейской семасиологии», предпринятый на современном уровне индоевропеистики.

Одной из наиболее удачных частей книги, несомненно, является последняя ее глава, где рассматриваются процессы распада индоевропейской общности и формирования отдельных дочерних общностей. Из важных деталей отметим следующие: западный путь миграции анатолийцев; дорийский элемент как элемент, резко отличавшийся от остальных греческих компонентов; сходства латинского и оскско-умбрского как результат конвергентного развития (отрицание италийской общности). В этой главе автор рисует яркую картину позднего расселения индоевропейцев. К сожалению, современное состояние индоевропеистики не позволяет ему воссоздать подобную конкретную реконструкцию для периода более раннего.

Книга Девото, конечно, не свободна от неточностей, что, вероятно, неизбежно при охвате огромного количества фактов, часть которых автор был вынужден получить из вторых рук <sup>2</sup>. Более существенным недостатком является неполный учет литературы по ряду вопросов, важных для индоевропейской проблематики (прежде всего по вопросу возможных генетических связей индоевропейского с соседними семьями, по проблеме древних заимствований в индоевропейском). Почти совершенно остались вне поля зрения автора лингвистические и археологические работы советских и восточноевропейских авторов. В монографии подобного плана, по-видимому, было бы целесообразно дать специальный библиографический указатель, а не ограничиваться подстрочными ссылками, как сделал автор.

В целом книга Джакомо Девото представляет удачное введение в изучение проблемы происхождения и формирования индоевропейской языковой и этнической общности. Эта работа, несомненно, будет весьма полезной всем специалистам, исследующим различные аспекты этой перворазрядной культурно-исторической проблемы.

**В. М. Иллич-Свитыч**

## **В. В. Шеворошкин. Исследования по дешифровке карийских надписей.**

**М., изд-во «Наука», 1965, 359 стр.**

К началу 60-х годов было собрано и вполне удовлетворительно интерпретировано столь значительное количество фактов из языков древней Анатолии раннего и позднего периода, что тезис о хеттолувийской принадлеж-

<sup>2</sup> Ср., например, утверждение об отсутствии названия снега в индийских языках (но ср. пракрит. *siṅha-*), причисление греч. *βάλαμον* к «средиземноморскому» слою лексики [в действительности заимствование из сев.-зап.-сем. *bašam(un)*], реконструкция «финноугорского» *septa* «7» (только в угорских языках) и др.